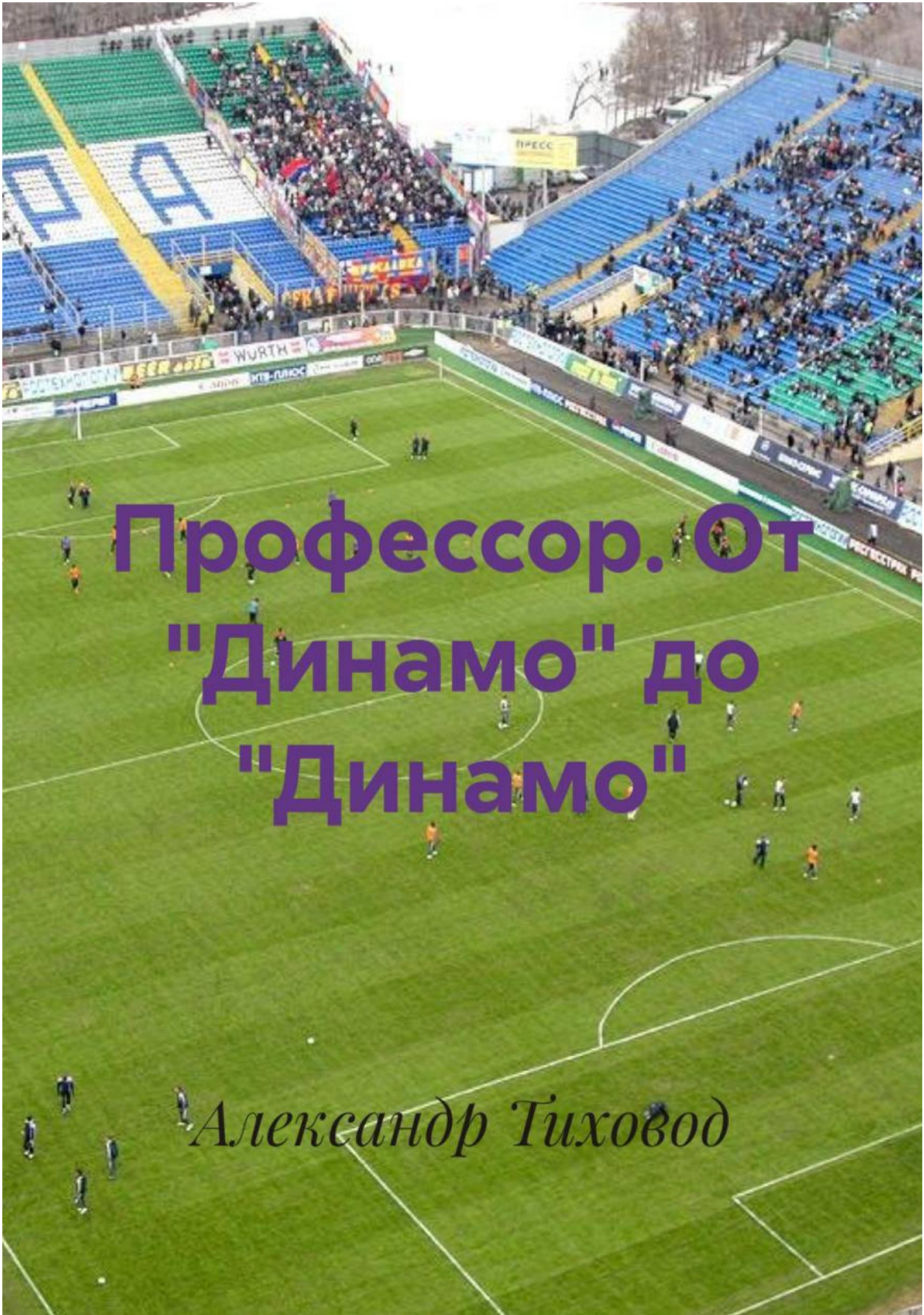

Профессор. От "Динамо" до "Динамо"

Александр Тиховод

Александр Тиховод

Профессор. От "Динамо" до "Динамо"

«Автор»
2026

Тиховод А.

Профессор. От "Динамо" до "Динамо" / А. Тиховод — «Автор», 2026

Гаджи Гаджиев (род. 28 октября 1945, Буйнакск) — советский и российский футбольный тренер, кандидат педагогических наук. Рано завершив игровую карьеру из-за близорукости, уже в 26 лет возглавил махачкалинское «Динамо». Работал в научных и тренерских структурах сборных СССР, а вместе с Анатолием Бышовцем привёл олимпийскую сборную к золоту Олимпиады-1988 в Сеуле.Дважды признавался лучшим тренером года в России: в 2000-м — после исторического выхода «Анжи» в высший дивизион, в 2007-м — когда «Сатурн» занял рекордное для клуба пятое место. С «Крыльями Советов» добился их лучшего результата в истории — третьего места в чемпионате и финала Кубка России.Четырежды возглавлял «Анжи», в 2019 году стал учредителем клуба «Махачкала», на базе которого в 2021-м возродили «Динамо» — и за три сезона вывел команду из второй лиги в Премьер-лигу при скромном бюджете. Придирчив к дисциплине. Сам живёт большой семьёй: жена Елена, сыновья Шамиль и Муслим, дочери Надия и Айша.

© Тиховод А., 2026
© Автор, 2026

Александр Тиховод
Профессор. От "Динамо" до "Динамо"

Александр Тиховод

Глава 1. Футбол не по наитию

Заслуженный тренер России Гаджи Муслимович Гаджиев создал удивительный мир, где игра объединена с точной наукой. Этот новатор прошел своим, ни на кого не похожим путем. Изменив обычную в его профессиональной области систему координат, и, в первую очередь, методику подготовки игроков, он выступал грозой гегемонов, революционером, перед кем слагали оружие порой самые сильные противники. В летописях футбола есть немало талантливых и отважных специалистов, чья коллекция побед напоминает зал галереи. А вот руководителей, которые вместе со своими командами вышли на авансцену казалось бы из ниоткуда и в скором времени отвоевали место под солнцем... Сколько их всего? Думается, от силы сотня – капля в море. Золотые «сто»! Кто-то из них заявил о себе, благодаря стечению обстоятельств, быть может – капризам судьбы. Но успехи нашего героя имеют скорее логическое объяснение, нежели они зависели от причин, шаблонно называющихся словом «удача». Гаджиев из числа тех, кто продвинул футбол вперед не на коротком отрезке, а вообще.

Возьмем такой пример. Еще сравнительно недавно сборную Турции и клубы из этой страны воспринимали за ее пределами подчеркнуто снисходительно. Какой спрос с команды, если та в двух отборочных циклах подряд «пролетает» англичанам по 0:8?! Больше голов от представителей туманного Альбиона в официальных матчах тогда пропускал только Люксембург. О турецком футболе отзывались, - «Много шума, много грязи. В целом, скоростной и техничный футбол, но по большому счету никому не интересный, кроме самих в него играющих». Кого из европейских наблюдателей в 1980-е занимал исход дерби непримиримых соперников - «Анкарагюджю» и «Генчлербирлиги»? И вот, будто из-под земли, является изумленным взорам клуб большой стамбульской «тройки» - «Галатасарай». После крупного поражения в гостях он в повторном матче Кубка чемпионов буквально пинком выбрасывает из турнира сильный в обороне швейцарский «Ксамакс» (Невшатель), забив пять безответных голов. «Хет-трик» делает Танжу Чолак: в том же сезоне он завоевал «Золотую бутсу» лучшего бомбардира континента. Вскоре этот форвард голами взорвал арену «Бешикташ Иненю», нанеся раны еще крепкой по составу сборной ГДР. И о турках, облаченных в бутсы, наконец-то, заговорили всерьез.

Тренер Фатих Терим по прозвищу «Император» совершил настоящий прорыв, впервые с турецким клубом – все тем же «Галатасараем», победив в Кубке УЕФА, обыграв не кого-нибудь, а лондонский «Арсенал». Матчу сопутствовала драка болельщиков: улицы Копенгагена, места проведения финала, были залиты кровью, словом, повторился эксцесс 1985 года на «Эйзеле», где английские фанаты убили 39-х тиффози «Ювентуса». Но даже эта трагедия, пожалуй, не омрачила радости, которую в связи с успехом в еврокубке испытали в стране почти все от мала до велика, независимо от клубных пристрастий во внутреннем первенстве. Через несколько месяцев в поединке за Суперкубок «Галатасарай» поверг еще одну элитную компанию – «Реал» (Мадрид).

Потом было третье место на чемпионате мира. В те дни промелькнул в одной из газет Махачкалы заголовок, - «Стал Давала забивалой». Так автор вышутил фамилию полузащитника сборной Турции Умита Давала, кто, помимо уверенной игры, запомнился прической в стиле «ирокез». Решение постричься под этого кумира привело к несчастью: подросток совер-

шил самоубийство, таким способом выразив протест отцу, наказавшего мальчика за «панковский» вид. В футболе и вокруг него бывает решительно все!

Коснувшись темы футбола на пространстве от Измира до Восточной Анатолии, подчеркнем: его авторитет вырос настолько, что всякий интересующийся «игрой миллионов», думается, навскидку перечислит ведущие клубы здешней Суперлиги с ее довольно обширной географией. Такой популярности способствует телевидение. Почему футбол в Турции стартовал ракетой в зенит? Да просто количество перешло в качество.

Перенеся данную смысловую параллель на регионы Северного Кавказа, прежде всего, надо отметить – местному футболу там никогда не грозила автаркия. Он не варился долгое время в собственном соку, как в Анталье или в Бурсе, а развивался во взаимодействии с гигантской корпорацией на одной шестой части суши, в СССР. Независимо от своего положения в табели о рангах, команды Краснодара, Майкопа, Ставрополя, Черкесска, Нальчика, Орджоникидзе-Владикавказа, Грозного, Махачкалы показывали своеобразие в игре. Их отличали впитанные с молоком матери техника работы с мячом, бешеный темперамент, которым неизменно заряжались и мастера, приехавшие, чтобы выступать за южан. Такая манера действий всегда желанна для зрителей.

Другое дело – часто ли приносила она турнирный эффект? Вспомним – делегаты из Бразилии, Аргентины, а, если взять европейский опыт, наиболее близкими кавказцам по укладу жизни, психофизическим особенностям и среде обитания следует назвать лиц из республик бывшей Югославии, - так вот, футбольные посланцы этих краев, увлекаясь, теряя из вида берега, начинали календарные битвы «за здравие», а заканчивали их нередко «за упокой». Если в индивидуальном спорте, особенно в разновидностях борьбы на помосте, парням с Кавказа обычно не было равных, то в коллективных дисциплинах они могли странным образом уступить, несмотря на присущую им сплоченность.

Гаджи Гаджиев со своих первых шагов на тренерской стезе четко понимал – нельзя играть в футбол по наитию и в духе, - «сегодня есть вдохновение, а завтра может его не быть». Притом, он очень рано определился с главным для себя жизненным предназначением. По аналогии с героем романа – «Пятнадцатилетний капитан», созрел как личность еще в те годы, когда у большинства сверстников ветер в голове гуляет. Приняв на себя в неполные 17 лет руководство командой, участницей первенства республики, Гаджи быстро сделал вывод – не изменив психологию игроков, не добьешься прогресса. Считается: южане в силу благодатного климата их широт и щедрости даров окружающей природы склонны к лени, хотя подобная характеристика, разумеется, не имеет отношения к дагестанцам. Южные люди всегда с большими амбициями, впрочем, бывает, не хотят они сильно напрягаться и, в частности, корпеть над теорией, когда перед ними открывается поле деятельности. Но стоит переломить себя, и - приходят ошеломляющие результаты. Соседи из «Динамо» (Тбилиси) выбились в союзные лидеры и нашумели на европейской арене, подтянув «физику» с тактикой – то, чего им явно недоставало раньше. Сборная Аргентины на чемпионате мира 1986 года продемонстрировав умение играть рационально, добыла «золото» без единого поражения, избежав «валидольных» стрессов, какие происходили с ней на мундиале-1978, когда к чемпионству ее привел не столько последний романтик Сесар Луис Менотти, сколько фактор правившей в стране военной хунты, связываться с которой конкуренты опасались. Канон в футболе на самом деле один – постоянный эксперимент. Тренер – строитель, архитектор. Игроки – материал с определенными свойствами. Только работай!

Тот первый для начинающего тренера Гаджиева спортивный коллектив назывался «Спартак», и сей рассказ можно бы озаглавить - от «Спартака» до «Динамо», не будь упомянутая команда любительской. Базировалась она в Хасавюрте, где чуть не все жители, как молодого, так и зрелого возраста демонстрировали предрасположенность к соревнованиям, которых в городе проводилось множество. Не фокусируясь лишь на футболе, вместе со сверстниками

Гаджи возвел рядом со своим домом целый спорткомплекс с сектором для прыжков и легкоатлетической дорожкой длиной в 60 метров. Это была без всякого преувеличения – народная стройка, ведь и взрослые не остались в стороне, помогая, кто, чем может. Младшая сестра нашего главного героя – Зумруд или по-домашнему – Зума, увлекалась легкой атлетикой и баскетболом, даже становилась чемпионкой Дагестана в этих направлениях. Глядя на нее, никто не подвергал сомнению доводы о сочетавшейся с внешней красотой горянок удивительной физической их одаренности. Эти женщины с легкой поступью несли на вершину к сакле наполненный водой металлический кувшин изрядной величины; пояс из сплава меди с железом и другие украшения не сковывали их владелицу в походах от источника.

Так-то Гаджи Муслимовичу его родные прочили карьеру в силовых структурах. Служба в армии либо в правоохранительных органах всегда пользовалась в Дагестане особым почетом, считалась лучшей школой для мужчины. В конкретном случае, однако, вполне применима поговорка, - не было бы счастья, да несчастье помогло. При отборе кандидатов в Суворовское училище, ближайшее из которых располагалось в столице Северной Осетии – Орджоникидзе, на врачебной комиссии установили – претенденту на то, чтобы носить военную форму, не хватает силы зрения, и это еще мягко сказано. По медицинской шкале 40 процентов зрения означают высокую степень близорукости. С такими глазами – только в ученые, в «тишь библиотек», непременно в очках с толстыми линзами.

Носить очки Гаджи принципиально не любил: атрибут казался несопоставимым с имиджем лидера, вожака, кем он себя чувствовал с самых юных лет. Со временем, окуляры, которых он избегал в повседневности и по определению не мог применять как участник соревнований, хотя, играя вечером на стадионе при искусственном свете, не различал толком партнеров и самого мяча, правда, превратились для него в символ, становясь «мудрости личиной». Наблюдая за матчами с тренерской скамейки, он выглядел естествоиспытателем, препаратором, от кого не скрывалась ни одна клетка футбольного организма, ни одна его митохондрия, обычным зрителем не замечаемая.

Возвращаясь к первому личному опыту тренера, Гаджи Муслимович признается, - «Я был малолетним диктатором». Доля руководителя в Дагестане – тема отдельная. Здесь не станут подчиняться, если не почувствуют в вас носителя твердой воли, уверенности в себе и непререкаемости. Вспоминается невольно подслушанный в махачкалинской организации диалог:

- Почему в коридоре лужа? Быстро вытирай! Одна нога здесь, а другая там!
- Я тебе железная, что ли? Вытирай сам.
- Э, как разговариваешь?! Не забывайся! Я твой шеф!
- Никакой ты мне не шеф. Мне один Аллах шеф.

В «Спартаке» (Хасавюрт) никому не приходило перечить юному наставнику и ровеснику. Не понял задания, не прочувствовал требований, изволь бежать штрафные круги в самый солнцепек. Исправишься – хорошо. Не исправишься – продолжай нарезать дистанцию вокруг поля до тех пор, пока голова не проветрится или не упадешь от усталости. А вы как думали?

Упражнения для игроков составлялись не по «щучьему велению, моему хотению», а на основе методики, разработанной мэтрами, изложенной в периодических изданиях, книгах. Специальную литературу Гаджи приобретал десятками экземпляров, в основном, через почтовую доставку, тем более, глава семьи, отец, уважая увлеченность сына, денег на такие покупки не жалел. Что там интересного в каталогах? Труды многолетнего тренера сборной Советского Союза Гавриила Качалина, ливерпульского командора Мэтта Басби, создателя тактической схемы катеначчо, «дверного засова» в обороне, Эленио Эрреры из миланского «Интернационале». Экземпляры этих библиографических редкостей, только-только появившись в московских магазинах и киосках, перекочевывали в Хасавюрт, где с жадностью прочитывались.

«Моя Барселона началась в Чиатура», — с долей юмора написал в мемуарах «Танго Испания» Теймураз Мамаладзе, специальный корреспондент на XII чемпионате мира по футболу. Путь Гаджи Гаджиева на Олимпиаду, первенство Европы, клубные турниры континента, как видите, тоже в исходной точке имеет под собой почву провинции. Вернее – поляну с выгорающей летом травой, под свирепым солнцем превращающейся в колкую стерню. В итоге, этот условный газон обернется шелковым покрывалом, подразумевая достигнутый уровень в профессии, которая лишь далеким от спорта кажется идиллической. Гаджи Муслимович, однако, смотрел на выбранную дорогу трезвым взглядом, сознавая — ничего мелкого, второстепенного, необязательного в работе футбольного тренера не существует.

Глава 2. Семейное древо

Имя Гаджи восходит к слову «хадж». От него есть великое число производных. Тут разом вспоминаются и Хаджи-Мурад, военачальник, наиб, правая рука имама Шамиля, воспетый Львом Толстым в повести, и золотоордынское название Хаджи-Тархан, трансформированное в Астрахань, и ойконим местечка с крепостью Хаджибей, после ее взятия русскими войсками переименованной указом Екатерины Второй в Одессу. «Хадж» в дословном переводе – «намерение», «стремление к возвышенному», что согласуется, в том числе, с миссией тренера, понимающему свою профессию и как род священнодействий. Термин «ремесло», согласитесь, жалок в контексте ведущей в мире игры с мячом, когда от вызванных ею страстей порой срывается с орбиты планета Земля. И приводящие к успеху методы работы с командой больше складываются не из готовых рекомендаций, заимствований. В облике спортивной команды, если она строится не как искусственный алмаз с принудительной кристаллической решеткой, всегда выражены ее корни, привязанные к конкретной местности. То же самое и с тренером: объясняя его взгляды, собственную философию в спорте, волей-неволей соотносим эти принципы с темой нравственных истоков нашего героя, временем, когда он рос, и вопросом – кем были его предки?

Место рождения Гаджи Муслимовича Гаджиева – районный центр Дагестанской АССР Буйнакск, время – 28 октября 1945 года. По всем понятиям, он ровесник Победы в Великой Отечественной войне. Это означает – детство было трудным: во всяком случае, элементарных благ тогда не хватало в обществе. Прежде всего, думай о стране, о родине и только потом о себе самом, - непререкаемый закон тех лет. И, - «не надобно иного образца, когда в глазах пример отца». Гаджиев-старший, полное имя которого – Абумуслим, выходец из селения Аракани, вернулся с фронта, перенеся тяжелое ранение, вызвавшее ампутацию правой стопы. Увечье долго не заживало. Пришлось передвигаться на костылях, прежде чем пациент освоил носить протез. Но оставаться на попечении супруги – мамы Гаджи, горячо любящей Айшат Магдиевны, которая самоотверженно несла заботы по дому и занималась огородом, чтобы семейство не голодало, ему не позволяла гордость. Что же – быть мужчиной-горцем на самом деле непросто. Очень нелегко бывает заслужить авторитет у односельчан, хотя со многими из них ты связан узами, куда более прочными, чем у народов, живущих в других ипостасях.

Словно высшие силы хранят того, кому предначертан долгий жизненный путь! Муслим Гаджиев после себя оставил записи, где указано – еще ребенком он дважды мог погибнуть, упав с высоты. Во второй раз это произошло в общежитии на территории крепости в ауле Хунзах, куда его направили учиться в школе – выйдя ночью на балкон, не заметил, что там нет ограждения… Войны крепко опалили эту семью. Отец Муслима, дед его двух сыновей и дочери – Гаджимагомед, пал смертью храбрых в Гражданскую, обороняя город Царицын от наступавших белых армий. Муслим Гаджиев оказался на фронте в июле 1941-го выпускником Урюпинского пехотного училища. «Я ехал воевать за родную страну, которая кормила, поила, одевала меня, дала мне, выросшему без родителей, образование», - цитата из его воспомина-

ний. В Великой Отечественной войне участвовали примерно 180 тысяч жителей Дагестана, половина из них сложила свои головы в боях.

В составе минометного взвода он встретил врага на подступах к Днепропетровску. Впоследствии вместе со своей воинской частью находился в районе Минвод. Сдерживая натиск захватчиков, стремившихся через Большой Кавказский хребет прорваться к нефтяным месторождениям Баку, отбивали по несколько атак за день. На этом участке фронта наряду со Сталинградом решалась судьба всей войны. Могучая горная цепь Кавказа превратилась для хваленых альпийских стрелков Вермахта в непреодолимую стену. Военная машина Германии, лязгнув гусеницами полчищ танков на равнине у Ставрополя, начала откатываться обратно на Запад, а после битвы под Курском ее окончательный разгром сделался лишь вопросом времени.

Из-за ранения Муслиму Гаджиеву не пришлось пройтись победным маршем, преследуя отступающих немцев. Пролечившись в Сталинградском госпитале, он рвался в бой с врагом, как легендарный Алексей Маресьев, и надеялся продолжить службу в танковой части. В конце концов, по решению медицинской комиссии его переправили в глубокий тыл, в каспийский город Туркменистана Красноводск, откуда он прибыл пароходом в Махачкалу, чтобы дома перейти к мирным занятиям. В селе Унцукуль ему довелось преподавать в школе родной аварский язык. В Буйнакске заведовал кадрами артели, где пекли хлеб, шили одежду и обувь. Затем приступил к работе контролера в торговом отделе горисполкома. В послевоенное время остро не хватало трудовых кадров, поэтому пришлось по решению райкома взять на себя функции председателя городского суда, вникать в тонкости производства уголовных дел. Таким было доверие к участнику войны, кавалеру боевых наград.

Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.
Посвящу тебе звонкие гимны
И слова, превращенные в стих,
Только бурку лесов подари мне
И папаху вершин снеговых!

С автором этого стихотворения, народным поэтом республики Расулом Гамзатовым, отец футбольного тренера Гаджи Гаджиева познакомился в период их совместной учебы в педагогическом техникуме Буйнакска. С братьями будущей литературной знаменитости – Магомедом и Ахильчи, кто учился там же, Муслим дружил. Эти два брата погибли на войне. Отдавая им моральный долг, вспоминая других родных и просто товарищей, не вернувшихся домой из горнила сражений, а еще под впечатлением от осмотра мемориального комплекса в Японии, посвященного памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы, Расул Гамзатов напишет в 1965 году текст одной из лучших советских песен, - «Журавли». В оригинале на аварском это слово звучит, - «Къункъраби»: как часть художественного произведения родившееся в доме с окнами на Каспий, оно облетело весь мир, переведенное на самые разные языки.

Жители горной местности чаще всего – прирожденные живописцы, поэты, музыканты, ибо в людях говорит красивая и сильная природа. Так утверждают великие путешественники. Романтизм в горцах, будь они басками, шотландцами или пуштунами, непременно сочетается с воинственным духом, суровым характером. Стихотворец Гамзат Цадаса, отец Расула Гамзатова, в воспитательных беседах напоминал – человеку не пристало уподобляться змее, которая потому и «кривая», что вынуждена проползать сквозь щели. Человек не пресмыкающееся, он всегда обязан быть честным, стоять горой за правду. Однажды, встретив попытку сына-школьника употребить «ложь во спасение», старый Гамзат крепко его ударил по щеке, потом занес

над ним плеть. Отец предупредил, что убьет его, как бы сильно ни был к нему привязан, если снова увидит намерение соврать.

Муслим Гаджиев в своем доме не позволял себе вспышек гнева, впрочем, никому и в голову не приходило, что можно пропускать мимо ушей отцовские наставления или ответить обманом на доверие. Этика отношений в дагестанских семьях держится не на грубых окриках старших и наказаниях. Такие вещи все же крайняя мера. Здесь в семье другая, особенная основа, воспринять которую, поверьте - большая удача.

Богатая событиями, делами, успехами досталась отцу Муслиму жизнь. Ее силу, словно в эстафете, он передаст наследникам – детям, внукам, правнукам. На заслуженный отдых Гаджиев-старший ушел, в сущности, только в 76, на протяжении карьеры познав все грани ответственных должностей в Буйнакске, Хасавюрте, а затем в Махачкале. Как отличника торговли, его назначали директором первого универмага самообслуживания в столице республики, причем, ему пришлось руководить еще и строительством самого объекта. За счет его кипучей энергии комплекс «Детский мир» и Дом бытовых услуг в составе городского производственного объединения вышли в передовики. Много внимания директор уделял организации труда на предприятии. Да, прекрасным было то время – из категории, что зовется «не по прошлому ностальгия – ностальгия по настоящему».

Общая черта судеб отца Муслима и его сына Гаджи, несомненно, в способности всего добиваться упорным трудом, невзирая на обстоятельства, которые легко могут сыграть против тебя, и преодолев на пути к цели все мыслимые и немыслимые преграды. Тут будет достаточно упомянуть о перипетиях, связанных с поступлением Гаджи Гаджиева в Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта. Первая попытка стать слушателем на курсах при кафедре футбола в городе на Неве провалилась из-за потери документов. Посеял бумаги, так и дело с концом? Нет, решил соискатель. Пока в Дагестане готовились соответствующие дубликаты, он, отринув мысль о возвращении домой, остался в северной столице, чтобы вновь попытать счастья. В Ленинграде устроился работать на деревообрабатывающий завод. Днем на смене штамповал поддоны для паркетной доски, вечером играл в футбол за любительские команды, одна из которых называлась «Скороход». При хмурой ленинградской погоде слабо видел мяч. Тогда-то окончательно пришел к выводу – не футболистом ему быть, так тренером.

Глава 3. Между наукой и вольницей

Какие чувства, эмоции испытывает футбольный тренер, только-только начав пролагать свой маршрут, и что за мысли роятся в его сознании, не давая покоя? Вероятно, он похож на странника, перед кем открываются заманчивые горизонты, а поскольку Гаджи Гаджиев дагестанец, то лучше всего вообразить эту аллегорическую картину чередой возвышенностей – кручи поднимаются ступенями одна над другой и самые дальние из них, символизируя бесконечность познаний, выглядят миражами, - нечетки очертания их вершин, которые так хочется покорить. Правда, заметим: подобная ассоциация – для тех, кто изначально знает всю подоплеку этой «простой сложной игры».

Знаменитый Виктор Маслов по прозвищу «Дед», создавший в Киеве до эпохи Лобановского по всем статьям крутой клуб, на просьбу журналиста объяснить смысл чертежей и записей, ворохом лежащих на его рабочем столе, ответил, - «Ишь, какой вы быстрый! Это еще надо обмозговать. У больших команд игра в несколько слоев идет». Виктор Александрович Маслов, между прочим, был замечательным скандалистом, и однажды в раздевалке московского «Торпедо» приложил вратаря Алексея Поликанова не бутсой, но графином, точно следователь на допросе. Сосуд из стекла разлетелся на сотню осколков, голкипер же отделался испугом и перебинтованной головой. Заявления в милицию, ясное дело, не последовало, тренер продолжил свою блистательную карьеру. Все это к тому, что в футболе самые дикие проявления эмоций могут соседствовать с тонким, поистине инженерным расчетом на игру, всеобъемлющими знаниями специалиста.

События в матче тренер пропускает через собственное сердце, а уж затем подвергает их осмыслению. Помнится, в 2002-м махачкалинское «Динамо», проведя переигровку с «Жемчужиной» (Сочи), в нервной борьбе победило с минимальным счетом. «Коуч» динамовцев Леонид Назаренко после финального свистка вопреки обыкновению не разразился тирадой в ключе, - «Почему так долго запрягали?!». На глазах у игроков, которые сбрасывали с себя на пол пропитанную потом амуницию, Леонид Васильевич, рухнув в кресло, застыл в позе человека, кого хватил удар – голова запрокинута, смертельно бледное лицо, руки повисли плетью. К нему подходили, трясли за плечо, но пока продолжалась отключка, все попытки «реанимировать» были бесполезными. Снимая остатки стресса вечерами, Назаренко поглощал рюмку за рюмкой любимую микстуру коньяк, восседая на открытой террасе гостиницы «Олимп», где проживали иногородние участники команды в Махачкале, и, обозревая периметр будущей арены имени Елены Исинбаевой, строил планы. Он, футбол, такой, какой есть – не прибавить, не убавить.

Чего, например, хотят на матчах зрители? Даже «подкованные» болельщики вряд ли увлечены специфическими темами, как то – адаптационные возможности спортсменов, допустимый уровень концентрации в их мышцах молочной кислоты или белка вследствие тренировочных нагрузок. В понимании таковой аудитории футбол - чистое шоу, по динамике сопоставимое со сценой битвы казаков в классике советского кино, фильме «Тихий Дон». Скомандовал есаул, - «Пики к бою, шашки вон! В атаку – рысью марш!», понеслась вперед лава. Ржут кони, гремят взрывы. Вышел на охоту Григорий Мелехов с чубом да кокардой. Колет, рубит врага. И побежали австро-венгры в ужасе, сверкая пятками.

Любой мало-мальски обученный тренер осведомлен: перед лицом соперника из одной с вами весовой категории нельзя так действовать. Нарвешься в контратаке на сокрушительный удар под дых и все. Сколько бывало матчей, где одна сторона безостановочно атакует, но голы влетают совсем не в те ворота? Жесткая мотивация, крики, - «Вы не футболисты, не мужики, а кислая капуста!», тут вряд ли помогут. Необходим анализ. Сделать его способен лишь специалист, назубок знающий науку, которую преподают в учебных заведениях. Но при разборе матчей эмоции могут увести в сторону, поскольку без них не представляется футбол. В этом тоже проявление закона единства и борьбы противоположностей. В контексте наших рассуждений абсурдно может прозвучать вывод – без науки в футболе никуда, но и научный подход к футболу сам по себе ничего не гарантирует. Пример? В 1980-1982 гг. Гаджи Гаджиев, на тот момент выпускник высшей школы тренеров, работал руководителем комплексной научной группы в ЦСКА в контакте с Олегом Базилевичем, который тогда был у московских армейцев «старшим». Многолетний соратник Валерия Лобановского, тот прогрессивно мыслил, с командой проводил занятия высокой интенсивности, много внимания уделяя постановке индивидуального мастерства игроков, работе с мячом. И все равно армейцы в защите действовали гораздо лучше чем, в атаке. В памяти всплывают их имена в тот период – Николай Булгаков, Валентин Кобыща, Владимир Букиевский, Евгений Дулык. Все они хорошо умели, выражаясь народным языком, – «отрывать ласты» соперникам, но сами били, как говорил комментатор Василий Уткин, в считанных километрах от ворот, хотя их, естественно, учили меткости. Результаты ЦСКА оставались довольно скромными в чемпионате страны – не выше 5-го места. В Кубке УЕФА осенью 1981-го уступили средней руки австрийскому «Штурму». Базилевича через год уволили. Олег Петрович засел за диссертацию, а провал ЦСКА позже объяснил «негативными явлениями теневой спортивной экономики». Лишь бы оправдание неудачи звучало убедительно.

Гаджи Гаджиев неоднократно отмечал влияние киевской школы в отношении собственных взглядов на игру, своих тренерских компетенций. Совпадение по времени, когда олимпийская сборная, в штабе которой он состоял, в Сеуле выиграла «золото», и «серебряного»

прорыва нашей первой сборной на Евро в ФРГ, позволяет применять к его работе особенную шкалу оценок, так как оба названных успеха взаимозависимы.

Прежде чем Гаджиев объединился с Базилевичем в ЦСКА, последний верховодил в ташкентском «Пахтакоре» вплоть до гибели этой команды в авиакатастрофе в августе 1979 года. Первый секретарь компартии республики Шараф Рашидов определил целью вывести «Пахтакор» в лидеры. Общесоюзный вес Узбекистана фактически не уступал украинскому: республика была стратегически важной для Кремля, Ташкент называли – «звезда Востока». Еще подоплека в этой истории – «Пахтакор» мотивировали сражаться с динамовцами Киева из-за вражды Рашидова и Щербицкого. В сезоне, когда киевляне впервые завоевали Кубок Кубков, их, «королей Европы», в Ташкенте раскатали 5:0! В аппарате Щербицкого результат расценили как скандальный. Вызванный на ковер штаб «Динамо» объяснял – проиграли умышленно, желая помочь бывшему тренеру киевлян, тогда пахтакоровцу Вячеславу Соловьеву, чтобы его команда не свалилась в зону вылета из «вышки». Думается, по своему обыкновению киевляне здесь лукавили. «Хлопкоробы» всерьез рассчитывали свергнуть лучший клуб Украины с чемпионского Олимпа, когда сами окрепли. Да, возникал вопрос – приживутся ли в жарком Узбекистане методы Лобановского, продвигаемые его киевским земляком Базилевичем? А так, - бить противника его же оружием. Почему нет?

Перенесенная из Украины стратагема нашла отзывчивую почву. Темповой футбол ташкентцев дополнялся южной техникой. Их диспетчер, капитан молодежной сборной, кореец Михаил Ан был гением паса, мастером «сухого листа». Зависая в верхней точке полета, переливаясь на солнце гранями алмаза, мяч потом опускался в заданном пункте на ногу адресата или, поданный с углового, падал за спину вратаря в сетку. В многонациональном Ташкенте, конечно, могли вспыхнуть искры розни, зато во время футбола переполнявшая стадион публика смотрелась как монолит и единое целое с командой. Этнически пестрый «Пахтакор» кого угодно в родных пенатах укладывал на обе лопатки, действуя с аритмией, необходимой в 40-градусную жару среднеазиатского лета.

До пьедестала с призами клубу накануне рокового выезда в Минск на матч с местным «Динамо» еще было далековато. Но контуры фаворита все четче вырисовывались у «Пахтакора» с приходом сюда Базилевича, как вдруг все оборвалось. О столкновении двух самолетов в небе над селом Куриловка около Днепродзержинска не сообщали в новостях, однако слух об аварии с многочисленными человеческими жертвами почти в тот же день распространился в соседних с местом трагедии населенных пунктах, перекинулся на целые области. На Украине «сарафанное радио» работает без сбоев. Базилевичу повезло – он улетел другим рейсом, чтобы проведать заболевшего сына. Из «основы» уцелели трое. Занятый лечением травмы форвард Туляган Исаков проклинал соперника, нанесшего ее, и клялся ему отомстить перед своими трибунами. Оказалось - эта травма спасла его жизнь: на рейс в Минск Исакова не взяли. Позже приехавший с командой в Ташкент московский динамовец Александр Новиков, прозванный за грубость в игре «автоген», встретил не расправу, а самый теплый прием, и возвратился домой с подаренным отцом Исакова халатом. Туляган долго страдал от депрессии, вспоминая погибших товарищей, и порывался соединиться с ними, сведя счеты с жизнью. В футболе немало и печальных страниц.

По рассказам Гаджи Гаджиева, в ЦСКА Олегу Базилевичу не удавалось то, что у него стало получаться в «Пахтакоре»: в восточной среде он вынужденно прятал свойственные украинцу обидчивость и мнительность, а тут в Москве дал им волю. Фраза, - «Мы – верховные жрецы по отношению к футболистам, они обязаны беспрекословно выполнять любое тренерское требование», - нормально звучала в клубе армейцев, но ее произносивший Базилевич стал подозревать игроков в нелояльности к себе и жаловаться министру обороны, маршалу Соколову. Маршал отверг доводы тренера, назвав их безосновательными. Конфликт же только разросся. Последней каплей стал проигрыш в Днепропетровске. Из отчета о матче в газете «Совет-

ский спорт» нельзя понять, какие страсти кипели за кулисами, но, судя по всему, в армейской раздевалке летели стулья; Олег Базилевич выказывал горячий нрав, что совершенно не вязалось с его наружностью интеллигента в очках. «Днепр» вел 2:0, потом у москвичей вскипело самолюбие, они пошли вперед большими силами и в концовке отквитали один мяч. Здесь на ровном месте ошибся молодой вратарь хозяев поля Сергей Краковский: в сезоне 1981 года никто не предполагал его фантастических сэйвов спустя несколько лет с «Бордо» на Кубке чемпионов, он пропускал все, что летело в его сторону, выглядя фигурой из папиросной бумаги. На первый взгляд, каждого в игре видно и слышно, но тренер ведь «жрец», чтобы, разглядев нюансы, истолковать их по-своему. Капитана ЦСКА Юрия Аджема обвинили в «нежелании отстаивать честь клуба». За этой кондовой формулировкой обычно не скрыто ничего, кроме личной неприязни начальника, притом, желающего свалить на других ответственность за собственные просчеты. Что же до самого игрока, то его сомнение в целесообразности «рвать когти» за клуб в структуре вооруженных сил, куда вербуют подневольно, в приказном порядке, и откуда не уйдешь в «Юрьев день», в общем-то – нормальное явление. Ну а если объявлен виновный, то репрессивная машина перемелет, будьте спокойны. Футболист был бессрочно дисквалифицирован, лишен звания мастера спорта международного класса. Впрочем, в армии есть понятия о товариществе, развита корпоративность. Партнеры по команде не оставили в беде экс-капитана, который, к слову, коренной крымчанин. Александр Тарханов, в будущем тоже известный тренер, перед министром обороны ходатайствовал об отмене наказания. Через год Аджема восстановили в правах, ему вернули регалии, он вновь вышел на поле в составе ЦСКА. В чем-то поучительная история.

Глава 4. Манускрипты и битвы

Футбол тем и хорош, что не схемы, не формулы, даже - не изобретательность тренера-эрудита, способного и длинную лекцию прочесть, и ее постулаты воплотить, здесь в полной мере определяют результат. Цитата, - «Музыку творит народ, а мы композиторы ее аранжируем», вполне применима к футболу, который создается в первую очередь игроками. Именно от их природного потенциала зависит то, в какой степени тренер сможет реализовать свою идею. Бывает, специалист у руля команды полностью меняет собственные взгляды на игру, но от этого не становится менее увлекательным процесс формирования и становления управляемого им коллектива самобытных спортсменов. Это как мозаику собрать из рассыпанных на берегу камней.

Футболистам же, дабы реализоваться, нужна подобающая обстановка – культурная среда. Тут очень важно найти подходящего наставника, свой клуб, чемпионат. Часто происходит непопадание в цель. Выступавшего в первой и олимпийской сборной СССР Алексея Михайличенко как партнера отвергли «мафиози» в команде «Сампдория» из итальянской серии «А» – Виалли и Манчини, не делясь с ним пасами. В «Челси» на тренировке Фрэнк Лэмпард специально «вставил» в кость Андрею Шевченко, воспитаннику Лобановского, тем самым показывая, кто в доме хозяин. То есть, тебя должны воспринимать в окружении равным, не смотреть сверху вниз. Но оказаться великаном среди пигмеев – тоже не вариант. Легкость тут бывает иллюзорной. На заре 1990-х игроки из распавшегося СССР были готовы за 200-300 долларов зарплаты наниматься куда угодно – хоть бы и в Бангладеш. Странник с опытом второй советской лиги там ощущал себя технически и тактически на порядок выше всех остальных. Все же через пару недель ему захотелось поскорее домой. Климат муссонов доводил до помрачения ума. Огромные пауки и ярких расцветок змеи, обнаруживаемые в ванной комнате отеля в центре столицы, отнимали решимость дальше отрабатывать по контракту. И что прибавлял футбол южной Азии к мастерству россиянина? На него, владеющего мячом, одновременно кидались пятеро. В наскоке разбили ему голову, с верхотуры больно попали камнем. Дерби городов, - Дакка – Читтагонг, при 80 тысячах народа - нечто! Влажность, пекло, барабанный бой, истошный визг, резкие запахи. Ну, ее эту экзотику!

В жизни решительно все определяется пропорциями. Чуть нарушишь их, и задумка обернется не благом, а злом. Расчеты тренера, как уже сказано, часто вступают в противоречие со стихией игры, однако без них не обойтись. Выкладки должны быть научно обоснованными. Возложивший на себя роль сотрудника лаборатории, ученого, не «патрона» с луженой глоткой, крепкими кулаками, каких в тренерстве полным полно, Гаджи Гаджиев взглядом методиста следил за событиями, о которых говорится в предыдущей главе. Найти рецепты успехов, дать рекомендации, как избежать срывов на ровном месте – задача исследователя. Кропотливый труд! Метод математической статистики, которым охвачен бесконечный поток матчей, это – выраженный языком цифр, не эмоций, портрет, именуемый – факторная структура. Произведенные электронно-вычислительной машиной распечатки подобны манускриптам с мудрыми текстами, к прочтению доступными лишь доке. Не сказать, что в прогнозах ЭВМ сильно ошибались. Их исходные данные, конечно, были солиднее, чем у оракула осьминога Пауля. В университете Вены обещалось 3-е место сборной СССР на чемпионате мира-1982. Эту ступень на пьедестале заняли не мы, а поляки, кого Лобановский с командой не обыграл на мундиале, зато уверенно превзошел в домашнем матче отбора на Евро-84. Добавить бы стабильности нашей футбольной компании!...

Помимо Советского Союза, вероятно, ни в одной стране не встречалось такого числа непохожих один на другой кластеров футбола. В Москве базировались четыре-пять клубов «вышки». У каждого из них отмечены самобытность традиций, стиля игры, пусть различия постепенно стирались. Футбольные школы регионов, обмениваясь опытом, кадрами, взаимно обогащались. Вот «Жальгирис» (Вильнюс), «Динамо» (Тбилиси), «Арарат» (Ереван), оставались национально монолитными. Или почти такими. Их и спутаешь ни с кем другим даже при беглом взгляде. А разве можно было не распознать по телевизору определенный стадион в «красной империи»? Высоченные столбы с громкоговорителями вдоль трибун на ереванской арене «Раздан» загораживали телекамерам обзор из отдельных точек: ракурс картинки на экране не оставлял сомнений по поводу места действия. Ассиметричная чаша, над краем которой видно окружающие горы, при зрительском аншлаге порой устрашающе действовала на соперников. Перепутав от волнения армян с испанцами «Кайзер» Франц Беккенбауэр, едва узрел забитый до отказа «Раздан», выглянув из раздевалки «Баварии», прибывшей на матч Кубка чемпионов, обратился к Оганесу Заназаняну, капитану, - «Амиго, зеро-зеро!». Предложенную нулевую ничью отвергли. Дома «Арарат» стоял насмерть и в тот вечер он победил немцев. Тренировал ереванцев Виктор Маслов.

В футболе события сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой, и любому, кто хорошо знаком с Гаджи Гаджиевым, казалось странным, что он не их в гуще, а немного с краю. Почему не поступает, как командир эскадрона из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих», кто, устав от бумажной рутины, воткнул шашку в стол, выражая готовность немедленно сменить кабинет бюрократа на ристалище? Но Гаджиев твердо знает, чего он хочет в профессии. В содружестве с видными учеными тренер погружен в подготовку диссертации. В этом труде систематизированы базовые знания о силовых упражнениях, матчевых затратах энергии, и о том, как они влияют на общее состояние, самочувствие спортсмена. Физиология, биохимия, статистика, другие специальные дисциплины, здесь были использованы как средство, чтобы выявить зависимость спортивной формы от различных объемов и видов тренировочной и игровой нагрузки. В этом аспекте Гаджи Муслимович продолжал изыскания, основоположник которых – бессменный руководитель научно-исследовательского центра в «Динамо» (Киев) Анатолий Зеленцов. «Кто владеет информацией, тот владеет миром», - ставшее крылатым выражение то ли Ротшильда, то ли Черчилля, конечно, не следует понимать буквально, - тем более, в разделе футбола, где нелепый гол, отскочивший от кочки мяч, может перечеркнуть всю логику расчетов. У футбола и свой букварь, и своя высшая математика, а кому что нравится больше в данной системе координат – вопрос уже другого свойства.

Иногда кажется чудом тот факт, что Гаджи Гаджиев, подобно вышедшему на орбиту космонавту, в своей области деятельности достиг высот. Он ведь изначально представлял не центр союзной республики, а город, на футбольной карте СССР обозначенный маленькой точкой. Даже в масштабе Северного Кавказа Махачкала до конца 1990-х не была самой приметной величиной в этом виде спорта. Команды из Нальчика, Орджоникидзе, Грозного, поднимались в первую союзную лигу, а махачкалинцы нет. Однако и на отдельных отрезках истории не могла при взгляде со стороны обнаруживаться в дагестанском «Динамо» безликость. Чтобы иллюстрировать этот вывод, отмотаем назад ленту времени.

Глава 5. «Я люблю твое лицо, Махачкала…»

«В конце апреля 1972-го, в час не по-весеннему жаркого заката, в арку стадиона «Динамо» вполне уверенным шагом вошел молодой человек. В тот день через эту арку входили и выходили десятки молодых и не очень людей, и герой нашего повествования не отличался от них практически ничем, если бы не два обстоятельства. Первое, в руках у него был совершенно новый футбольный мяч, а для Махачкалы начала семидесятых это была роскошь, сравнимая по нынешним временам с последним айфоном. И второе, на носу у него восседали большие роговые очки. Нормальное совершенно дело для их хозяина, входящего не на стадион, а в библиотеку. Был он одет в серые парусиновые брюки и белую рубашку с огромным воротником. Ну, хорошо, прошло более пятидесяти лет, и знать достоверно, как он был одет в тот день невозможно. Но то, что он был с мячом и в очках, подтверждают сразу несколько источников. Так началась дорога, по которой и по сей день идет герой этой книги Гаджи Муслимович Гаджиев.

Было ему тогда 26 лет. За плечами уже был первый тренерский какой-никакой трофей – победа с хасавюртовским «Спартаком» в молодежном первенстве Дагестана, и он выказывал полное отсутствие сомнений в собственных силах», - ремарка, которую следовало бы сделать преамбулой предлагаемого читателям опуса, принадлежит президенту Федерации футбола Дагестана, журналисту Шихабудину Микаилову. В описании чувствуется нечто от великого комбинатора Остапа Бендера или прокуратора Понтия Пилата с его шаркающей кавалеристской походкой, облаченного в белый плащ с кровавым подбоем. В любом случае, тот, кто пересекает чертог, входя в незнакомое пространство, вправе ожидать – ворота, через которые он проник, вполне могут оказаться триумфальной аркой.

В начале семидесятых годов прошлого века Махачкала вовсе не походила на признанный центр туризма, статус которого дагестанская столица получила в наши дни. По отзыву одного футболиста, посещавшего тогда Махачкалу, всех развлечений в городе было, - «сходить на море да купить груш на рынке». Погруженный в летнее марево город виделся сонным царством. Низенькие дома, среди которых встречались строения из самана, пыльные улицы. Протянутая во дворах бечева с высушенной рыбой. Завеса из марли в проемах дверей, распахнутых настежь в жару, дуновениями ветра приводимая в легкое движение. Одно слово, провинция. Бывший житель Баку Александр Маркаров, впоследствии – легенда махачкалинского «Динамо», на страницах своей книги «Счастье – в атаке» признался, - поначалу город совершенно ему не понравился.

Команды гостей обычно селились в гостинице «Кавказ». Ее постояльцев будил вой собак, сбивавшихся в стаи где-то на задворках здания. База динамовцев - на спуске к станции Махачкала-1, представляла собой невзрачный деревянный домик, где игроки жили по трое в комнатах. Там вечно гуляли сквозняки, стояла сырость, не было спасения от свирепых москитов. Тренироваться приходилось, в буквальном смысле, где попало. Перечисленные неудобства, однако, отходили на второй план и со временем вовсе не замечались теми, кто обжился здесь,

пустил корни, ощутив, что Махачкала, ее социум, душа и окружающая природа обладают необычайным магнетизмом. «Мой дом на Востоке», - хороший заголовок для романа.

Нельзя не испытать радостного трепета первопроходца, когда взору открываются старец-море с шеренгами пенных волн, отшлифованный ветрами, выжженный солнцем, покрытый солончаками красный суглинок в окрестностях аэропорта рядом с Каспийском, лесистый шатер горы Тарки с парящими над ним ширококрылыми орлами. Столько дыхания, света несет эта нерукотворная благодать! Поездка сюда - бегство от обыденности, - «Но очертаньем горных далей так нежно манит южный склон!», - дарующее всякий раз ощущение новизны.

Взлетно-посадочная полоса уходит на юг к поселку Мутайкутан, что в степи у подножия гор. Набирая высоту, самолеты внутренних линий разворачиваются в обратном, северном направлении и, прежде чем лечь на курс, становятся для их пассажиров площадкой с идеальным обзором панорамы столицы Дагестана. В такие мгновения не исключено, что путникам на борту воздушного судна вспоминаются строки Расула Гамзатова, - «Я люблю твое лицо, Махачкала, отраженное в воде каспийской». Когда же самолет заходит на посадку, из его иллюминатора хорошо различимы контуры и разметка футбольного поля на стадионе «Динамо». Подчас небесный корабль, уже выпустивший шасси, идет прямо над трибунами, и в этом угадывается некий знак того, что цель поездки в Дагестан зачастую обусловлена собственно футболом.

Что и говорить: «король спорта» был и остается неотъемлемой принадлежностью этой страны гор, такой же ее визитной карточкой, как, допустим, изделия балхарских умельцев или знаменитая лезгинка. Футбольная команда Махачкалы всегда излучала самостоятельное, а не отраженное сияние – даже будучи полностью укомплектованной «варягами». Жарко полыхало пламя в очаге ее игры, являя победительную психологию «Динамо», и от бурлящих трибун к их кумирам на поле словно протягивалась вольтова дуга. Каждый визит сюда заставляет игрока внутренне сжиматься. Так было неизменно и вне зависимости от рейтинга и состояния команды хозяев на текущий момент. Пусть в отдельные периоды здешнее «Динамо», летопись которого насчитывает почти сто лет, не блистало турнирными результатами, фактически всегда для него существовала цель сыграть по максимуму.

С миром большого футбола и его легендами Гаджи Гаджиеву довелось соприкоснуться еще в свои ранние годы. На товарищеский матч в Хасавюрт приехали динамовцы Москвы, ветераны, в рядах которых находился герой встреч 1945 года в Англии, вратарь по прозвищу «Тигр» Алексей Хомич. Против них сыграли юниоры из «Спартака» (Хасавюрт) и юный тренер Гаджиев, тогда вышедший на поле. Неважно, с каким счетом завершился поединок. Это был эпизод, моральное значение которого гораздо выше, чем статистический итог.

Перейдем к отдельным вехам истории махачкалинского «Динамо». Прописку в союзном чемпионате футболисты Дагестана получили в 1946-м, когда эйфория возвращения к мирной жизни вызвала дотоле невиданный в стране бум вокруг «игры миллионов». Была создана третья группа, вобравшая целый легион ячеек футбола, главным образом с периферии. Столице Дагестана поначалу вовсе нечем было гордиться на этом фронте. В сорок шестом махачкалинское «Динамо» заняло предпоследнее седьмое место в Северокавказской зоне и затем вплоть до 1958-го, когда ведущая команда республики по футболу приняла название «Темп» (под эгидой ДСО «Труд»), проследить хронологию и ареал ее матчей довольно сложно. С 1961-го на майках клуба опять появилась динамовская литера. Он «выстрелил» в 1967-м: взошел на верхнюю ступень в подгруппе класса «Б», а затем, выиграв полуфинальный и финальный переходные турниры (оба - в Махачкале), стал чемпионом РСФСР.

Тагир Мугадов – патриарх дагестанского футбола, не успел разделить лавров этой победы в качестве ее непосредственного творца. Годом ранее он завершил игровую карьеру в «Динамо», однако внес вклад в успех 1967 года как помощник Ивана Золотухина. В 70-х он поработал с еще одним опытным навигатором махачкалинской команды – Николаем Рассказовым. Проведенная в Зернограде под Ростовом юность впечатала в его речь специфичное казачье «г». В этом городе он проживал в оккупации во время Великой Отечественной, там же начал заниматься футболом. Выступал за местную заводскую «артель», позднее – за команду группы советских войск в Венгрии, а, перебравшись в Махачкалу, с 1959-го состоял нападающим «Темпа». Стадион в периметре улиц Дахадаева, Котрова и Горького тогда был сооружением с двумя небольшими деревянными трибунами и земляным полем, которое задерновали при именитом предсовмине республики Шахрудине Шамхалове в связи с решением, что защищать честь Дагестана в чемпионате СССР будет именно «Динамо». Эта арена существовала еще до войны, и на ней тогда демонстрировал зрителям футбольное искусство шурин Мугадова Николай Князев. Впоследствии стадион обрел вид подковы, отграниченной от его центральных ворот велотреком. К своему современному облику это спортсооружение приблизилось в семидесятых годах, отличаясь меньшей, нежели теперь, вместимостью. Но вулканизм страстей, присущий футболу на всем Кавказе – от Ейска до Кировабада и от Ставрополя до Абовяна – был градусом повыше сегодняшнего.

Личность заслуженного тренера РСФСР, москвича Ивана Золотухина, умершего в феврале 1992-го – главная в галерее таких же полузабытых фигур – Валерия Алабужева, Ивана Тимошенко, Вячеслава Соловьева, Юрия Жукова, Николая Панфилова, многих других «старых гвардейцев». Сформированный ими ансамбль игроков добыл для Махачкалы третье место в подразделении второй группы класса «А» в 1968-м. Клуб зиждился на спайке класса ветеранов-динамовцев Москвы, своих восходящих звезд – Касима Акчурина, Валерия Ващенкова, Семена Валявского, и амбиций исполнителей крепких, в самом соку, но не востребованных на тот момент более сильными командами. Впереди дагестанцев оказались тогда «Уралмаш» (Свердловск) и «Спартак» (Орджоникидзе), с кем динамовцы Махачкалы сыграли вполне убедительно – 1:0,0:2 и 2:0,0:0. Говорят, руководство республики опустило перед своей командой шлагбаум, исходя, главным образом, из финансовых соображений. Впрочем, обмен между первой группой класса «А», читай - высшей лигой, и нижестоящим эшелоном был крайне ограниченным. Команды, занявшие вторые-третьи ступени в подгруппах, оставались за бортом, и победа в зоне еще не означала триумфа, ведь путевка наверх была единственная - оспариваемая в дополнительном турнире первых лауреатов. Правда, в шестьдесят девятом, когда производился отбор в лигу, ставшей классической первой, в круг счастливчиков из 1-й подгруппы попали четыре команды, причем спартаковцы Северной Осетии шагнули сразу в элиту, а вот махачкалинцы, не повторившие рывка, остались изгоями на восьмой строке.

«Разве знаешь, высоты беря, ты себя покрываешь славою или кровь проливаешь зря?» (Расул Гамзатов «Мой Дагестан»). Золотухин – человек с жилкой настоящего коммерсанта. За свою карьеру тренера, начавшуюся в середине пятидесятых, он возглавлял 15 команд, добивался с ними приличных результатов. Показать максимум ему удавалось еще трижды – с «Волгой» (Горький), которая в 63-м обрела членство в «вышке», и двумя «Спартаками» - костромским и нальчикским, проникавшими из второй лиги в первую через мелкоячеистое сито «пулек». Нередко судьбу команды и ее тренера определяет одно-единственное действие –

точный удар, откуда не ждалось нанести его, или же неверный поворот стопы бьющего, когда до ворот легче доплюнуть. В этом смысле, увы, жребий чаще ложится вверх решкой, а не орлом.

Клишин - Григорьянц, Шульгин, Колтунов, Алешкевич – Муртузалиев, Шаповалов, Киреев – Удунян, Мугадов, Кабардиев. Запас – Гамаев, Жирноклеев, Гончаров. Это состав махачкалинского «Динамо», взятый из протокола 1963 года, сохранившегося в архиве Российской Федерации футбола. Отмечена в газетных публикациях небезынтересная деталь: в те годы динамовцы Махачкалы провели международную встречу – с восточногерманским «Einheit» («Единство»), и уступили со счетом 0:1. Также указано, что старший тренер «Динамо» Александр Соколов (москвич, впоследствии работавший со сборной Кубы) в первенстве-63 надеется со своей командой войти в «пятерку». Тагир Мугадов вспоминал: динамовцы Махачкалы были беднейшими в материальном смысле. Только 11-е место покорилось им тогда. Шесть коренных воспитанников состояло в команде, другие ее кадры были мигрантами из Москвы, Грозного, Баку.

Глава 6. Первый взлет «Динамо»

14 мая 1970 года в Махачкале произошло землетрясение значительной силы. Первый толчок ощутили в час дня. Один очевидец вспоминал, как борщ в поставленной перед ним в обеденный перерыв тарелке, вдруг выйдя из берегов, разливается по столу. Ближе к ночи, когда тряхнуло второй раз, весь город высыпал на улицу. Разрушения в дагестанской столице оказались локального характера; в большей мере пострадали окрестные села и Чиркейская ГЭС, которая под натиском стихии все же сдержала напор водохранилища, и это оградило от большой беды. Каспий не вздыбился приливной волной, пусть ученые всерьез толкуют о возможности цунами на этом замкнутом море. На восстановительные работы в республике откомандировали лучших специалистов со всей страны. Благоустройство и последовавший рост экономики, правда, фактически не отразились на местной футбольной инфраструктуре.

Первейшая живительная подпитка для футболистов махачкалинского «Динамо» - матчевая атмосфера. Когда хозяева забивают, экстатический рев трибун отзывается эхом на близлежащих к стадиону улицах: внимая «взрыву», прохожие восклицают, - «Это гол, гол!», водители давят на сигналы. Описанная ситуация подобна дуновению тайфуна. Ведь жизнь в Дагестане, также как сама здешняя природа, полна бурных явлений, резких контрастов.

Тут особенно отчетливо сознаешь истину, что любовь и ненависть нередко разделяются одним шагом. Семен Валявский, перейдя в стан динамовцев Махачкалы из «Урожая» (Дербент) и выступая против своей бывшей команды на ее арене, встретил яростную обструкцию зрителей, которые еще вчера души не чаяли в нем. Угроза «дать по башке» - в ответ на его гол, казалась настолько серьезной, что на другой день, когда гости посещали баню, этот игрок не стал покидать автобус: товарищи мылись, а переметчик прятался в салоне между сиденьями. Так или иначе, для Валявского «радостный Дербент, и море, и залив» - пожизненные талисманы; сам он считается наиболее выдающейся футбольной креатурой этого древнего уголка. Однако в контексте его спортивной биографии теряется то обстоятельство, что Семен Борисович – некоренной житель города-крепости у подножья горы Джалган. Он родился в Риге, затем семья переехала в Белоруссию, и, наконец, в 1960-м обосновалась в Дербенте, где ее глава получил должность начальника отдела снабжения при заводе шлифовальных станков. Карьера Семена в футболе развивалась впечатляюще: с юношеской сборной Союза участвовал в соревнованиях в ГДР, а со сборной России – в турнире «Подснежник», по итогам которого был рекомендован в московский «Спартак». Там в пяти испытательных матчах за дубль забил шесть голов, тем самым, претендуя на вписку в «основу». Отставка дуэту во главе "красно-белых", братьям Гуляевым, лишила юного игрока такого заманчивого шанса. Валявскому предлагалось

ехать в «Шахтер» (Караганда). Но форвард возвратился домой: сначала - в заштатный «Урожай», на тренировочной базе которого - в славящемся виноделием селе Геджух, под кроватью старшего тренера, рассказывают, стояло ведро с дарами Бахуса.

Семен же безупречно следил за своей формой. Приглашение в махачкалинскую команду позволило ему экстерном состричь адекватные мере таланта купоны - 26 мячей за чемпионат 1967-го, получить признание в качестве лучшего из молодых игроков финальной «пульки», титул мастера спорта в 18-летнем возрасте. Удостоиться этого отличия тогда было вообще сложно. Здесь, как правило, требовалось попасть в национальную сборную или хотя бы войти со своей командой в полуфинал Кубка СССР, либо занять в высшей лиге место не ниже десятого. В 80-х годах условие смягчили: звание стали присуждать и за выслугу лет. А Валявский заработал его как лауреат Кубка РСФСР, обладателем которого он делался дважды – в шестьдесят седьмом и семьдесят пятом - из динамовцев Махачкалы он единственный, кому удалось такое. Его неоднократно звали в клубы иерархической «галерки». Тогда, впрочем, был в почете традиционализм, влияния которого не избежал и "генеральный" бомбардир футбольных чемпионатов Союза во второй лиге Александр Маркаров, сохранивший верность дагестанской команде, пусть им интересовались все головные отряды высшей лиги за исключением киевлян.

Валявский предпринимал две попытки уйти на сторону. Но, направившись по призыву Ивана Золотухина вместе с Ващенковым и Акчуриным в ярославский «Шинник», повстречал там пьяную вакханалию и вернулся, а когда планировал переезд в «Крылышки» из Куйбышева, у него банально похитили паспорт, и вояж пришлось отменить. Эту кражу, по собственным словам, он пережил не так болезненно, как исчезновение из закрытой на матч раздевалки стадиона в Грозном подаренных ему корифеем Вячеславом Соловьевым, кто был тогда партнером Валявского, бутсов фирмы Adidas. О, мириада столичных звезд: на тот момент одни разгорались, иные угасали, однако все они в полной мере подсветили махачкалинское «Динамо»! Борис Алешин, Валерий Маслов, Борис Игнатьев, краснопресненский парень с забавно интерпретирующейся фамилией «Я – кубик», способный, писал Лев Филатов, ударить по воротам так, что мяча в полете не увидишь. Последним из этой фаланги играл в Махачкале 32-летний заслуженный мастер спорта, полузащитник Маслов, сумевший прославиться и в роли снайпера, чемпиона и двукратного покорителя Кубка СССР по футболу в составе московских «бело-голубых», и как владелец великого множества трофеев хоккея с мячом. Его достижения тем более удивительны, если учесть, что поборником строгого спортивного режима сей поистине двужильный человек, мягко говоря, не был, из-за чего едва не оказался отчисленным исполнявшим обязанности старшего тренера, более молодым, чем он сам, Гаджи Гаджиевым. Но Маслов, когда не «квасил», действительно играл как бог, поэтому бывал на поле не понят сотоварищами из дочерних динамовских команд.

Присутствие в команде звучных имен – не панацея успеха, таинств селекции тут не меньше, чем в мичуринском садоводстве. Стабильные победы долго обходили стороной хорошо укомплектованное «Динамо» (Махачкала): в 1970-м оно занимало 18-ю итоговую строку, в 1971-м – 9-ю, в 1972-м при Маслове – 12-ю, в 1973-м – снова 9-ю, в 1974-м – 6-ю. Вместе с тем, все настойчивее в его «мелодике» слышались четкие аккорды – игра строилась преимущественно на коротком и среднем пасе, неустанном движении всех футболистов. Валявскому, наделенному способностью пробегать тридцать метров за 4,1 секунды, пожалуй, не нашлось бы лучшего применения, чем на краю атаки, в годы культа фланговых челноков в футболе. Манерой обводки он весьма напоминал Славу Метревели - качнув корпус, уходил с мячом в противоположную сторону, но чаще демонстрировал безотказную «коронку» - пробрасывал мяч в пустующую зону и спринтерским рывком оставлял соперника позади. Умел забивать по всякому: после углового, с трех-пяти метров на опережении, посредством индивидуального рейда из глубины, нередко – в концовке игры при зыбком счете. Радости и печали

ему доставались поровну. В шестьдесят девятом году немедленно после вступительных экзаменов в пединституте Семен отправился вслед за командой в Кабардино-Балкарию. Такие региональные дерби вызывали особенный ажиотаж: орды болельщиков на автотранспортных кавалькадах сопровождали футбольных идолов от Аракса до Кубани, создавая иной раз сотрудникам ГАИ серьезную головную боль. К восторгу своих почитателей, Валявский «с листа» провел победный гол нальчикскому «Автомобилисту» (1:0), - мяч в сетку закатился чудом, миновав штакетник ног в запруженной штрафной площади. И тут же во время прыжка на верховую подачу соперник нанес ему сильный удар в позвоночник. Игрока словно пронзило иглой: тело онемело, сознание затуманилось, ведомый под руки с поля, он едва мог самостоятельно передвигаться. Перед началом феерического для динамовцев сезона 1975-го, Семен, в предыдущем чемпионате записавший себе в актив 9 мячей, внезапно почувствовал недомогание на разминке: на сборах в Кисловодске бегали ежедневно по 35 километров кросса и сердце дало сбой. Поправившись только через полгода, он снова очутился «на линии огня».

Триада махачкалинского нападения – Валявский, Маркаров, Мантай Мантаев – во второй лиге едва ли не самая грозная на домашнем плацдарме, продолжала наводить страх на соперников от Урала до Черного моря. Но это звено просуществовало недолго, и с уходом младшего Мантаева из футбола в 27 лет, построение атаки команды изменилось в корне – Семен стал действовать оттянутым, позади Маркарова.

Финиш игровой карьеры в 1980-м, он отметил с 103 забитыми голами в общем зачете. Это второй показатель результативности в клубе, с которым бомбардир распрощался не по возрасту, а из-за скандала. Принимали «Химик» (Дзержинск). Валявского допекал юнец-соперник – на ногу наступит с умыслом, клюнет по икрам предательски с тыла. Строгие нравоучения ветерана провокатор встречал издевательской ухмылкой, а рефери из Ленинграда Мильх вовсе не реагировал на эксцесс. Тогда, потерявший терпение, рассвирепевший Семен воздал по полной программе - шипами бутсы распорол обидчику бедро и голень, и тот с двенадцатью наложенными швами лег на больничную койку на целых два месяца. Естественно, поляну покинул и мститель, наказанный красной карточкой. После матча он в судейской вцепился в Мильха: «Почему довел до такого?! В голове что-то сломалось?». Арбитр, сникший под психологическим натиском хищного, точно ястреб, футболиста с Кавказа, оправдывался, как мог. В ответ на угрозу, - «Ты больше сюда не приедешь!», - Мильх заверил, что попытается загладить инцидент. Однако в своем рапорте, видимо, сгустил краски. И 31-летнего Валявского дисквалифицировали до конца чемпионата, и еще на год условно. Так пришлось ему завершить карьеру длиной в четырнадцать сезонов. Это было ядовитым уколом. Форвард все же не зациклился на обиде, и в госпитале навещая пострадавшего, виновника опалы, а теперь в известном смысле - товарища по несчастью, принося ему фрукты, лишь давал назидания по-отцовски: «Ты понял, что играть так нельзя? Если хочешь ударить, бей как мужчина – лицом к лицу!».

В родное «Динамо» Семен возвратился через двадцать с лишним лет после описанного события: его привлек на должность помощника Леонид Назаренко. До этого работал детским тренером. Среди его воспитанников – Шамиль Асильдаров, Мурад Рамазанов, представитель редкой для Дагестана формации многообещающих вратарей – Тимур Исламов. Три года Валявский преподавал физкультуру в монгольском городе Чойбалсан (расположенном в полутора часах лета от Улан-Батора). Он один из создателей республиканской футбольной школы Махачкалы. Совершив с командой своей молодости путешествие из века в век, разделив ее успехи и неудачи, Семен Валявский олицетворяет ту связь традиций и поколений, без которой все вместе взятые достижения дагестанского футбола были бы немыслимы.

Еще трое выдвиженцев юга республики, кто выступал в ее главном футбольном клубе в 70-е годы – выходцы из Дербента голкипер Чистяков, хавбек Вадим Мороз, защитник Анатолий Подколоднев из поселка Дагестанские Огни, кто долго носил капитанскую повязку в «Динамо». Обычно действуя в центре обороны, Подколоднев при своей бешеной самоотдаче

выполнял и функцию диспетчера, выискивая компаньонов нацеленными длинными пасами. Иногда он резко подключался к атаке, по краю, и, как заправский «бортовой», мощно и остро простреливал вдоль ворот. Еще более сложным «шифром» для неприятеля была заготовка с участием другого махачкалинского защитника Александра Решетняка, неподражаемо вводившего мяч из аута. Готовя этот фирменный номер, из своего левого «тоннеля» он вразвалочку бежал к противоположной бровке и пауза наполнялась протяжным гулом, похожим на звук набирающего обороты пропеллера – зрители ждали чего-то необыкновенного.

Бросок мяча обыкновенно адресовался Маркарову, а тот, находясь к «раме» спиной или вполоборота, эксплуатируя свои крупные габариты, в прыжке заваливался на опекуна и, продавив его, делал партнеру сброс под завершающий удар, мог и сам пробить. Зная об этом ноу-хау, соперники порой находили ему противоядие. На полуфинальной «пульке» 1975 года в Махачкале, вратарь «Сокола» Владимир Литовченко, выдвигаясь на целый квартал, методично прерывал те подачи, снимая мяч с головы Маркарова, кого превосходил ростом, не уступая ему в конституции, выдерживая силовую борьбу, и все закончилось со счетом 0:0. Голкипера тогда страховал на «ленточке» центральный защитник Виктор Карпов. Но в свою очередь Решетняк перестраивался кидать мяч по-хитрому, в сторону, чтобы страж ворот остался не у дел, и – направляя бросок на другого партнера. После такой пасовки Валявский забил «ножницами» гол волгоградскому «Ротору» на глазах восторженного домашнего зрителя.

Александр Решетняк происходит из Каспийска - самого урожайного города республики по числу воспитанников, когда-либо зачисленных в команды мастеров. Местная группа подготовки надежно ковала кадры: многие ее выпускники определяли облик махачкалинского "Динамо" в семидесятые-восьмидесятые. На определенном этапе не меньшую, чем Каспийск, подпитку махачкалинцам давал Баку. В 1971 году оттуда в столицу Дагестана перебрались Александр Маркаров, Рустам Рагимов, Сергей Мелкумов, Успат Рашидов. Еще один бакинец – Надыр Эйнуллаев, – тонкий «мозаик», отменный дирижер, прибыл из «Автомобилиста» (Нальчик). Баку и Махачкала в сравнении между собой выглядели как небо и земля. Однако при заметном отличии культуры футбола на территории к югу за рекой Самур, тяготеющего к сплошной импровизации, от жесткого, дисциплинированного, атлетического стиля команды Махачкалы, многие пробовавшиеся в "Динамо" футболисты из «Нефтчи», Сумгаита, Кировабада прижились здесь.

Маркаров и вовсе стал фигурой общесоюзного ранга, забив 254 гола - второй после Виталия Раздаева снайперский показатель по всем лигам. Он-то полностью отвечал игровой модели клуба и некоторая узость его арсенала (недостаток скорости, изъяны техники на нижнем ярусе) не воспринималась на этом уровне как явный минус. Крепкоплечий, с литыми буграми мускулов на бедрах, гривой смоляно-черных волос, густыми бакенбардами, то и дело издававший львиный рык и на партнеров, и на противников, напоминая устрашающего Люцифера, он вел бесконечные схватки за верховые мячи, тараном врубаясь в чужую «цитадель». Поразительно - травмы его щадили! Выше сказано, - этот врожденный «стрелок» был всюду нарасхват. В ходе первого же сезона в Махачкале Маркарова едва не забрал в Москву ведомственный гегемон в лице тренера-олигарха Константина Бескова. Как рассказал сам Александр Ашотович, его сразу внесли в заявку на участие в Кубке Кубков, где «бело-голубые» дошли до финала, проигранного ими «Глазго Рейнджерс». Перед футболистом вырисовывалась радужная перспектива. Но как знать: не постигла бы его метаморфоза Андрея Якубика, для которого в ташкентском «Пахтакоре» вся команда таскала из огня каштаны, а в первопрестольной он попросту скисал из-за огромной конкуренции? В дагестанском клубе ничто не могло поколебать маркаровский трон, и свита подобралась на загляденье - с железными мышцами, луженными глотками, спа-

янные, злые дуэлянты. Игра махачкалинцев подтверждала популярную теорию, что по-настоящему зрелищный футбол может произрасти только на южной почве.

Слабых звеньев в этой команде уже фактически не было в середине семидесятых годов. Даже на традиционно уязвимой для кавказских команд позиции – вратарской, "Динамо" располагало двумя равноценными игроками – Успатом Рашидовым и Камилем Асеевым, чье установившееся в 1974-м двоевластие продолжалось пять лет. Они убедительно дополняли друг друга: обладавший фундаментальной выучкой, рослый Успат, прекрасно действовал на выходах, а прыгучий, реактивный самородок Камиль вытаскивал «мертвые» мячи из самых «девяток». Первого выставляли обычно в гостевых матчах, второго сообразно – в домашних, пусть «единица» на свитере принадлежала Рашидову. Несмотря на относительно малую разницу в возрасте с более опытным коллегой по амплуа, Асееву после ухода этого напарника из спорта было уготовано еще целые десять лет выступлений за "Динамо" и еще два сезона за «Нарт» (Черкесск) вплоть до последнего чемпионата СССР в 1991 году. Завязав с выступлениями в футболе, через какое-то время он устроился в мебельную фирму «Каспий» художником (истинный талант хваткий во всем!). Занимался с юными вратарями в спецшколе и вместе с Валявским привлекался на должность помощника главного тренера в родной клуб. Вот судьба Успата Рашидова сложилась печально. Покинув команду, тот, казалось, нашел нишу, став милиционером и дослужившись до звания капитана. Вроде бы все у него складывалось благополучно – семья, двое детей, как вдруг бывший голкипер сильно запил. Видели: на центральном пляже Махачкалы средь бела дня он – лежащий в алкогольном угаре, палит из табельного пистолета в песок, пока не опустошит обойму. К фатальному концу привела элементарная житейская небрежность – сковырнул родинку в подмышке, быстро не обратился за медицинской помощью, ранка кровоточила, развилась злокачественная опухоль, которая всего за три месяца отправила его в могилу. По той же причине умер первый тренер Рината Дасаева, астраханец Геральд Бледных, повредивший родинку веником в парной. Успат мужественно принял диагноз врачей, когда они объявили ему – дни сочтены. В кругу друзей, собиравшихся на территории спортшколы Александра Маркарова, чтобы повидаться, обсудить новости, он лишь обронил фразу, - «Жаль, не дотянул я даже до пятидесяти лет, когда, казалось бы, еще многое впереди…».

Отправной точкой в формировании «звездного» футбольного ансамбля в Махачкале считается 1973 год, хотя активная смена поколений команды началась на два сезона раньше при Николае Рассказове. О нем ветераны футбола вспоминают с особой теплотой. Личность неординарная – участник обороны Севастополя в дни Великой Отечественной, он был в плену, оттуда бежал в победном сорок пятом. Дальнейшая его биография связана, в основном, с двумя городами – Баку и Краснодаром. Интеллигентный мягкий человек, Рассказов мог подпадать в командах, где работал, под влияние отдельных лидеров и целых землячеств. Говорят, в «Динамо» (Махачкала) фракция бакинцев во главе с Маркаровым, вертела им, как хотела. Зато Рассказов имел качество, ценимое в работе с южными клубами выше сугубо профессиональной квалификации - знание психологии, особенностей национального характера, уклада жизни, что обеспечивало контакт и с игроками, и с власть предержащими. Те, кто, не учитывая всей специфики, лезли в чужой монастырь со своим уставом, скоро получали вотум недоверия - в Махачкале обжегся, например, заслуженный тренер трех союзных республик Евгений Горянский, руководивший здесь всего несколько месяцев в 1978-м. Предшественника Владимира Маслаченко в воротах московского «Локомотива» 50-х - Вадима Кублицкого, на посту старшего тренера в Дагестане выручала коалиция с Гаджи Гаджиевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.